Алексей Александров

До Амбера: Змей и Единорог

Алексей Александров

До Амбера: Змей и Единорог

https://litres.ru/74743792
SelfPub; 2026

Аннотация

«До Амбера: Змей и Единорог» — фэнтезийная новелла в духе «Хроник Амбера» Роджера Желязны, раскрывающая мифическую предысторию мира.

В центре сюжета — вечное противостояние Порядка и Хаоса, воплощённое в поединке Единорога и Змея на границе слоёв реальности. Единорог, хранящий Камень Правосудия, становится осью мироздания: его неподвижность удерживает ткань бытия от распада. Змей же — воплощение искажений и перемен: его взгляд, в котором пылает рубин-око, стирает формы и размывает границы миров. Их схватка — не просто битва силы, а тонкая мера, удерживающая равновесие между созиданием и разрушением.

Алексей Александров
До Амбера: Змей и Единорог

«До Амбера: Единорог и Змей»

«Вечное противостояние Порядка и Хаоса,

каждый из которых порождает миллионы отражений,

населённых бесчисленными существами...»

Роджер Желязны «Хроники Амбера»

Я не люблю рассказывать о временах, когда даже Амбера ещё не было. В те столетия само слово «время» звучало как шутка, потому что оно менялось быстрее, чем успевал моргнуть даже самый внимательный наблюдатель. Но если уж тянуть эту нить — ладно. Пусть будет легенда. Или хотя бы её набросок, который позже кто-нибудь превратит в сагу.

Панорама первозданного мира открывалась не как вид с холма, а как взгляд сквозь швы реальности. Слои реальностей лежали друг на друге, будто стопка полупрозрачных пластин, только эти пластины жили своей жизнью: одни места были плотными, устойчивыми, словно отлитыми из черного гранита, другие — текучими, как расплавленное стекло на краю горна. Там, где слои соприкасались, воздух дрожал,

и можно было увидеть, как форма пытается родиться и тут же рассыпается, не успев назвать себя.

Иногда трещина между слоями становилась шире, и тогда сквозь неё проглядывало нечто иное — не место, а ощущение: холод, запах озона, чувство, будто ты стоишь на краю чего-то огромного и равнодушного. И если долго смотреть в такую трещину, она начинала смотреть в ответ.

Я не был там. Но я видел следы. А следы в те времена были надёжнее воспоминаний: реальность могла забыть, что ты стоял на этом берегу, но камень помнил отпечаток твоего сапога, потому что сам камень в тот миг был чуть более настоящим, чем ты.

Вселенские силы тогда ещё не обрели имён, но уже знали, кто они. Порядок не был добродетелью, а Хаос — пороком; они были двумя способами быть. Порядок хотел фундамента, на котором всё могло покоиться, не рассыпаясь. Хаос хотел движения, в котором ничто не обязано оставаться собой.

Единорог мог стать хранителем этого фундамента. Не потому, что он так решил, а потому, что сам рог его задавал направление: он не просто указывал путь, он удерживал реальность от распада в тех местах, где касался её. Он не боролся с Хаосом — он был его противовесом, как якорь в шторм.

Змей был воплощением текучести, разрушения границ, движения без цели. Он не хотел зла: он хотел, чтобы ничего не застывало. Его природа была проста: если что-то обретало форму, он должен был её размыть. Не из ненависти — из

необходимости.

На голове Змея пульсировал крупный рубин — глаз Хаоса. Он не просто светился; он искажал пространство вокруг себя, как горячий воздух искажает горизонт. От него шли волны нестабильности: предметы меняли очертания, звуки теряли источник, тени жили своей жизнью. Камень был не украшением и не короной — он был инструментом, с помощью которого Хаос напоминал миру, что порядок — это всего лишь временная договорённость.

Иногда я думаю, что вся история Амбера — это история о том, как один маленький островок пытался удержаться в океане перемен. И о том, как океан не хотел его отпускать.

Но это уже не экспозиция. Это почти мораль. А мораль лучше оставлять на потом — или не оставлять вовсе.

Пусть пока будет так: мир до Амбера — это ткань, которую можно было рвать и штопать. И в этой ткани уже есть первые стежки — Единорог и Змей, ось и поток, рог и волна. И где-то между ними зреет будущее, которое позже назовут Порядком…

Я не люблю рассказывать о Дворах Хаоса. Там даже слово «дом» звучит как насмешка: сегодня у тебя есть крыша, завтра она становится лестницей, а послезавтра — чьим-то обедом. Но если легенда должна начаться, пусть начнётся там, где всё постоянно рассыпается, чтобы потом можно было сложить хоть что-

то прочное.

Все первые дети Хаоса были чудовищами — и не в том смысле, что у них было слишком много зубов или слишком мало симметрии. Чудовищность их была в самой природе: они были воплощениями трещин, изгибов, резких перемен. Один мог менять лицо быстрее, чем ты успевал удивиться, другой — становиться то густым туманом, то острой иглой, третий вообще существовал только в отражениях и никогда — в самом себе. Во Дворах Хаоса стабильность считалась болезнью, а постоянство — дурным тоном.

И вот среди этого бесконечного «я — не я» у одной из дочерей Хаоса родился ребёнок, который… остался собой.

Сначала на это никто не обратил внимания. В тех местах рождение — дело обычное: вспышки света, вихри, странные звуки — и вот уже кто-то новый пытается понять, кто он такой и можно ли ему быть сразу тремя вещами одновременно. Но этот ребёнок не пытался быть тремя вещами. Он пытался быть одной.

Он родился с рогом — не украшением, не оружием, а чем-то вроде оси, вокруг которой реальность могла бы перестать дрожать. И стоило ему сделать первый вдох, как пространство рядом с ним на миг замерло — ровно настолько, чтобы это заметили.

Заметили не с радостью.

— Это неправильно, — прошипел кто-то из старших, глядя на маленький рог, который уже тогда светился не огнём,

а тишиной. — Пусть меняет форму. Пусть станет, как все.

Но он не стал. Он лежал, смотрел на мир широко раскрытыми глазами и, казалось, говорил всем своим видом: «Я — это я».

Мать прятала его сначала за складками пространства, потом за тенями, потом просто за собой, когда другие подходили слишком близко. Она не защищала его из любви к порядку — она защищала из любви к нему. И ещё из смутного, тревожного чувства, что если Хаос решит, будто этот ребёнок — ошибка, которую нужно стереть, он сотрёт не только его, но и часть её самой.

— Прости, — шептала она, когда он начинал плакать, а плач в тех местах был опасен: он мог стать ветром, а ветер — бурей. — Прости, что мир такой.

А мир и правда был такой: он не терпел опор. Опора — это камень в потоке, а поток не любит камней.

Со временем прятать стало труднее. Ребёнок рос, и его «я» становилось всё ощутимее. Там, где он проходил, реальность на мгновение успокаивалась, трещины затягивались, цвета переставали перетекать друг в друга. Это было красиво — и это было подозрительно.

Взрослые смотрели на него с недоверием, дети — с опаской. Для них его постоянство было чем-то странным, почти пугающим, как если бы ты всю жизнь жил в комнате, где стены танцуют, а потом вдруг одна из них решила стоять смирно и смотреть на тебя.

— Он сломает нас, — говорили одни.

— Он сделает нас скучными, — говорили другие, и в их устах «скучный» значило «мёртвый».

— Пусть уйдёт туда, где любят неподвижность, — сказал кто-то самый резкий, и это прозвучало не как совет, а как приговор.

Мать всё чаще молчала в ответ. В её молчании было не согласие, а усталость: она понимала, что прятать его вечно не получится, а защищать — значит бросать вызов самой природе Дворов.

В конце концов, он сам понял, что должен уйти. Не потому, что хотел сбежать от матери, а потому, что не хотел, чтобы из-за него рушились те хрупкие нити, которые ещё связывали её с этим миром.

Он ушёл ночью — если в тех местах вообще бывает ночь. Он просто шагнул в сторону, туда, где реальность была чуть плотнее, и не оглянулся. А если и оглянулся — всего на миг, чтобы запомнить, как она стоит в полосе дрожащего света, будто сама пытается быть неподвижной ради него.

Первые шаги по Отражениям он делал почти наугад. Он ещё не знал, что создаёт их — он просто искал места, где можно стоять, не боясь, что земля под ногами станет небом, а небо — чьим-то голосом.

С каждым шагом его рог становился ярче, не от силы, а от собранной устойчивости. И там, где он ступал, реальность слушалась: она не застывала, но переставала метаться. Он

не приказывал ей быть такой — он просто позволял ей быть чуть более собой.

Так появились первые Отражения — не копии чего-то великого, а островки, где форма имела право задержаться хоть на мгновение. Они были неровными, дрожащими, похожими на сны, которые вот-вот рассыплются, но в них уже было главное: ось.

Он шёл, оставляя за собой эти островки, как камни, брошенные в бурю, чтобы по ним можно было пройти. И с каждым новым шагом он всё яснее понимал: он не разрушает Хаос. Он просто даёт миру возможность быть не только потоком, но и берегом.

Где-то позади, во Дворах, мать смотрела на пустое место и молчала. А впереди, в ещё не рождённом будущем, уже шевелилось предчувствие Амбера — как тень, которая пока не знает, что станет городом…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.